

15th St. Jerome Translation Contest

2020 EDITION

Russian
Student honourable mention



Ekaterina Philippova

Золотые годы Тины Тернер

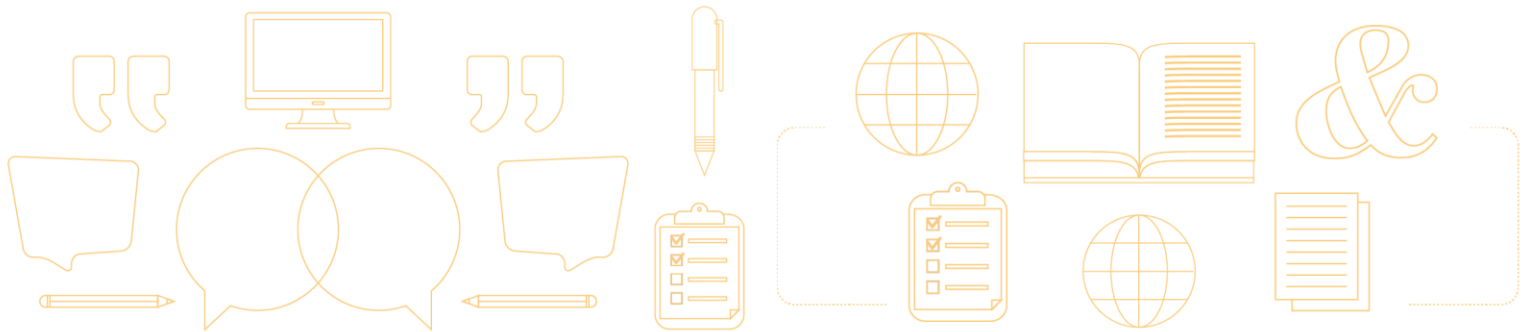
На протяжении полувека она оставалась символом безудержной энергии рок-н-ролла. Песня «Proud Mary» в ее исполнении превзошла по длине оригинальную версию Джона Фогерти на целых 175 процентов. А ведь Фогерти, в отличие от Тины, даже не танцевал. В свои с немногим 20 лет она обрела популярность в паре с Айком Тернером, к 40 годам бежала от его тирании, к 50 занимала первые места хит-парадов и до 70 лет колесила с гастрольями по всему миру. Теперь она хочет просто расслабиться и никуда не торопиться.

Поэтому я приехала в два часа. Муж Тины, симпатичный немец Эрвин Бах, встретил меня на своем внедорожнике и доставил к снимаемому парой особняку, который носит название – вы ведь не ожидали, что Тина Тернер будет жить в безымянном доме? – «усадьба Алгонкин». Особняк производил впечатление сказочного дворца. По стенам его взбирался плющ, в саду несколько человек искусно орудовали секаторами. Внутри, под куполом потолка, зависла скульптура в виде двуногой лошади в натуральную величину, а в раме на стене я увидела портрет Тины в образе египетской царицы. Комната была щедро обставлена диванами с позолотой в стиле Людовика XIV. На одном из них в небрежной позе расположилась и сама Тина Тернер.

Сейчас Тине 79. С тех пор, как она покинула сцену, прошло уже 10 лет, но она по-прежнему с наслаждением вспоминает, о скольких делах ей теперь не нужно заботиться. «Я не пою. Не танцую. Не наряжаюсь», – сказала она мне. Даже ее парик – «первостепенный атрибут образа Тины Тернер», как она охарактеризовала его в своей новой автобиографии – не вздымается гордой гривой, как прежде, а свободно спадает непослушной копной. Ее голос все так же обольстителен, пусть и служит теперь для других целей. Тина заговаривает с мужем, и в ее речи проскальзывает явный континентальный акцент, а когда начинает его поддразнивать, я узнаю этот ее глубокий, резонирующий, с хрипотцой голос – «совершенно не женский», по ее словам.

Она не жалеет, что простилась со сценой.

[...]



Впрочем, иной раз, сидя с Бахом в машине, Тина включает радио, и, пока Эрвин негромко напевает мотив, она дает полную волю своей фирменной неугомонной энергии и, пританцовывая в кресле, с удовольствием мурлычет в такт песне для своего единственного слушателя. К одной композиции она особенно неравнодушна. «Как же его зовут?» Тина окликнула мужа, который занимался чем-то своим в соседней комнате: «Эрвин! Как звали того вокалиста?» И она пропела: «I want something just liiiike this!»

«Это песня Coldplay!» – отозвался Бах.

«Coldplay... – повторила Тина. – Знаете, что мне нравится?» И она принялась с воодушевлением рассуждать о необъяснимой притягательности голоса Криса Мартина. «В нем нет того привлекательного «черного» тембра, как у исполнителей Motown...»

«Песня называется „Coldplay вместе с Chainsmokers“!» – послышался голос Баха.

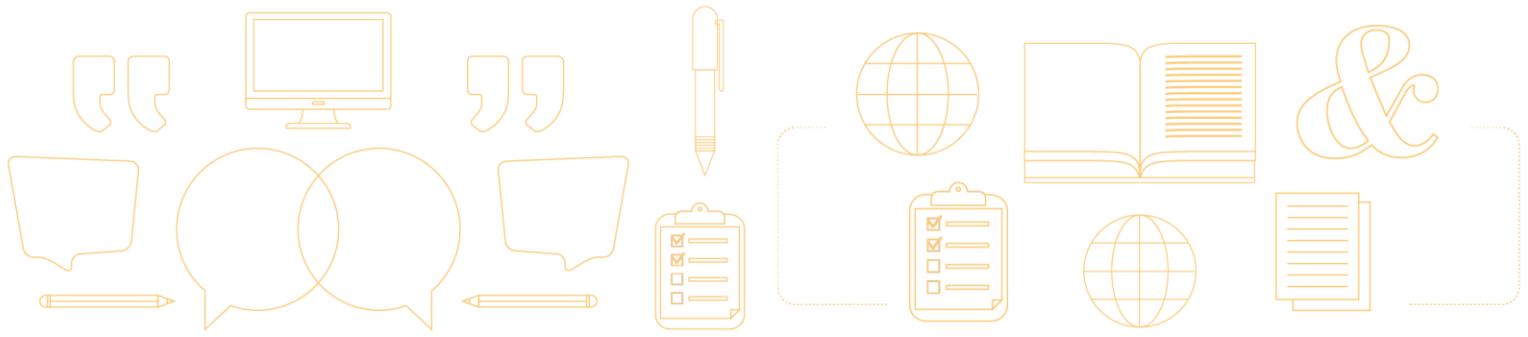
«Не имеет значения!» – протянула Тина, словно хотела полной силой своего голоса уничтожить любое воспоминание о том, кто такие эти Chainsmokers. В ее глазах мелькнул озорной огонек. «Это Coldplay», – заключила она.

[...]

В 1995 году пара перебралась в Швейцарию. Уставшая от своей суматошной жизни, Тина быстро полюбила швейцарскую страсть к порядку. Все в этой стране подчиняется правилам. По-немецки Тина не говорит, и это ее вполне устраивает: не приходится постоянно отвечать на вопросы. А если услышит что-нибудь интересное, она всегда может попросить мужа перевести.

Обыкновенно по утрам Тина просыпается, и ее дворецкий Дидье, стеснительный на вид швейцарец необычайно высокого роста, до подбородка застегнутый в яркую рубашку поло, готовит ей на завтрак овсяную кашу. Днем она гуляет по магазинам.

Усадьба Алгонкин переполнена прелестными безделушками. Пара декоративных, под старину, ключей («Мне страшно хотелось поселиться в замке, пока я не увидела, насколько эти замки велики», – рассказала Тина), фрагменты внушительных размеров аметиста, живописно уложенные у края бассейна («Я получила их в подарок»), в рамках – фотографии египетских саркофагов, принадлежавших царственным особам (Тина чувствует, что в прошлой жизни была одной из них; Дидье тоже был с ней), статуэтка доколумбовой эпохи с мечом в руках, которую Тина прихватила с собой, в последний раз покидая Америку («Тогда она мне приглянулась»). Она ничего не хранит в чулане.



«Мне нравится любоваться всеми этими вещами», – объяснила Тина. Ведь она наконец-то может себе это позволить.

<https://www.nytimes.com/2019/09/09/theater/tina-turner-musical.html>